

Глава 42. Отчуждение

Перед началом рабочего дня Директор Сун провёл утреннее собрание. Сначала он отчитал тех, кто вчера отлынивал, вроде Се Юньчжу, а затем объявил лучших сотрудников.

— После долгих и тщательных обсуждений наше руководство приняло решение, — он картинно кашлянул и, достав алую почётную грамоту и конверт со ста юанями, вручил их Чжан Байшаню. — Номер 2 вчера проявил себя лучше всех и объявляется звездой дня. Ваши аплодисменты!

Чжан Байшань, покрасневшись от волнения, подошёл и с низким поклоном принял награду. Если бы жена не ущипнула его, он бы, наверное, расхохотался от счастья.

— Берите пример с товарища Номера 2, с его усердия и преданности фабрике! — Директор Сун похлопал его по плечу. — Засучите рукава и трудитесь! Фабрика — это сцена для вашей самореализации!

Раздались жидкие, но продолжительные аплодисменты. Некоторые и впрямь выглядели воодушевлёнными, что показалось Се Юньчжу весьма странным.

В этот день работа распределялась случайным образом. Его поставили на первый этап — перемешивание жира-сырца, текущего по трубе. Вместе с ним работала Ши И, которая, казалось, вот-вот уснёт на ходу.

Перемешивание было до одури монотонной работой. Всё, что требовалось, — это физическая сила. словно осёл с завязанными глазами, он ходил по кругу, мешая жир. Никаких мыслей, никакого воображения, просто механическое вращение без конца.

Уже через два часа мышцы Се Юньчжу начало ломить от боли. Маслянистый жир, смешанный с запахом промышленных ароматизаторов, поднимался из чана горячим паром, окутывая его, словно в сауне. Желудок, в котором почти не было еды, сводило от тошноты. Хотелось вырвать, но было нечем.

Стоило ему хоть немного замедлиться, как рядом бесшумно возникал робот-надсмотрщик и делал устное предупреждение. Два устных предупреждения превращались в штраф. Дневной лимит штрафов отсутствовал — это означало, что в тот день, когда их силы иссякнут, они, скорее всего, будут не только бесплатно работать на фабрику, но и останутся ей должны.

Как только надсмотрщик отворачивался, Се Юньчжу тут же сбавлял темп. Он ещё не слышал ни об одном рабе, который, усердно трудясь, стал бы хозяином. В условиях несправедливой системы чем больше стараешься, тем несчастнее становишься.

К счастью, Ми Янь мог его подменять. Малыш был ростом с росток фасоли и, чтобы достать до

чана, ему приходилось подставлять ящик. Но работал он на удивление усердно, его руки мелькали со скоростью хомячка в колесе.

Эта работа была не такой опасной, как вчерашняя, так что Се Юньчжу позволил ему трудиться, а сам сел в стороне и продолжил наблюдать.

Остальные тоже заметно устали. Силы убывали быстрее, чем они предполагали. Ши И, стоявшая напротив, с её тонкими ручками и ножками, через некоторое время начала качать головой и громко вздыхать. Лянь Пинлян, сегодня отвечавший за нарезку, уже несколько раз издал сдавленные крики — он не раз резался лезвием, и вся производственная линия была залита его кровью. В итоге жир-сырец на выходе получался нежно-розового цвета.

Разные этапы работы имели свои плюсы и минусы. Сегодня Лянь Пинляну не повезло вытянуть «нарезку».

Се Юньчжу бросил на него сочувственный взгляд. Он сомневался, что Лянь Пинлян дотянет до конца дня.

Затем его взгляд скользнул к выходу. Он начал изучать роботов-охранников, прикидывая шансы на побег.

Чем дольше он наблюдал, тем мрачнее становились его мысли. Роботы, в отличие от людей, не знали усталости и не теряли бдительности. Они вечно патрулировали территорию с неизменной скоростью. Любой приказ они исполняли с программной точностью: пробеги по земле мышь, пролети в небе птица — они без колебаний открывали огонь на поражение.

Он думал о том, чтобы спрятаться в грузовике, но и там охрана была строжайшей. В каждом фургоне дежурило по два вооружённых робота-охранника, а сами фуры всегда загружались строго определённым количеством ящиков, не оставляя места, чтобы спрятаться.

Однако, наблюдая, Се Юньчжу задался одним вопросом: он постоянно видел грузовики, вывозящие жир-сырец, но ни разу не видел, чтобы на фабрику заезжали машины с сырьём.

Цех был разделён на две зоны: производственную, где они находились, и сырьевую, отделённую стеной. В стене была запертая дверь, а также труба, по которой непрерывно поступал жир.

Судя по общим размерам цеха, сырьевая зона не могла быть большой. Они работали уже так долго и отгрузили десятки грузовиков с жиром-сырцом — запасы сырья в любом случае должны были истощиться.

Но до сих пор он ни разу не видел, чтобы на фабрику заезжала хоть одна машина для пополнения сырья.

Может, в сырьевой зоне есть какой-то скрытый вход, о котором он не знает? И пополнение запасов происходит тайно?

Но зачем такая скрытность при доставке обычного сырья? В этом определённо что-то не так.

— А-а-а-а!!!

Внезапно его размышления прервал леденящий душу крик. Густой запах крови наполнил воздух. Все подняли головы и в ужасе уставились в одном направлении.

— Моя рука! Х-х-х... моя рука, а-а-а! — Лянь Пинлян, зажимая окровавленный обрубок, издавал крики, от которых волосы вставали дыбом. Вторую половину его ладони отсекло лезвием, и она упала на стремительно движущуюся конвейерную ленту.

Три подёргивающихся пальца, соединённые с обломком кости и сухожилиями,плыли по ленте, смешиваясь с кусками жира-сырца и проезжая мимо каждого из работников.

Лишь Линь Чжэньюэ не растерялась. Она схватила отрубленную ладонь и крикнула:

— Ещё можно спасти! Срез ровный, если пришить, будет как новая!

Но Лянь Пинлян уже катался по полу в агонии, не переставая кричать.

Робот-надсмотрщик подошёл к нему.

— Номер 3 нарушил правила, разговаривая без разрешения. Штраф — 100.

— А-а-а, больно! Мне больно-о-о!!!

— Номер 3 саботирует работу. Первое предупреждение.

— Спа... спасите меня... — Лянь Пинлян вцепился в штанину надсмотрщика.

— Второе предупреждение. Штраф — 100.

Даже случившееся не так потрясло Се Юньчжу, как эти холодные, бездушные фразы.

— Ладно, чего тут такого. Отведите Номера 3 в медпункт, — великодушно махнул рукой Директор Сун. — От этого неумехи всё равно никакого толку. Остальные чего столпились? Продолжайте работать!

Потерять здесь руку означало, что Лянь Пинлян выбыл из игры. Се Юньчжу вспомнил, как в самом начале, во время знакомства, этот скромный офисный работник с надеждой говорил о повышении, о том, как наведёт порядок на работе.

В итоге порядок навели с ним самим.

К счастью, до обеденного перерыва оставалось всего полчаса. Остальные работники распределили между собой обязанности Лянь Пинляна. Запах крови витал над каждым участком конвейера. Все дышали тяжело и подавленно.

Как только прозвенел звонок на обед, все одновременно прекратили работу и разразились дикими криками, словно пытаясь выплеснуть весь накопившийся страх, гнев и отчаяние. Кто-то бился головой о стену, кто-то швырял вещи, кто-то плакал. Несомненно, это был единственный момент за весь день, когда они были похожи на людей.

В других цехах, за пределами фабрики, вой разносился бесконечно, сливаясь в единый гул.

Но и обед длился всего полчаса. Выплёскивая эмоции, они одновременно запихивали в себя еду. Чтобы утолить мучительный голод, коробка с жирным мясом казалась им изысканным деликатесом.

Се Юньчжу как раз собирался поесть, когда почувствовал резкий запах мочи. Он с изумлением поднял голову и увидел Чжан Байшаня, который сидел на корточках и ел. Едкий запах исходил от него.

Секунду подумав, Се Юньчжу всё понял: во время работы, чтобы не получить штраф, Чжан Байшань помочился прямо в штаны.

Аппетит мгновенно пропал. Он молча отвёл Ми Яня подальше, положил голову ему на плечо и уткнулся носом в его волосы. Непонятно почему, но, хотя они прошли через те же испытания, ребёнок всегда пах чем-то сладким и мягким. За полдня работы он даже не вспотел.

— Поешь немного, — Ми Янь протянул ему питательный батончик и печенье, с грустью сказав: — Невкусно, но тебе нужно поесть.

— Угу, — Се Юньчжу откусил кусочек печенья, которое тот ему протянул, и, закрыв глаза, принялся жевать. Он должен был использовать любую возможность для отдыха.

Ближе к концу обеда вернулся Директор Сун, который отводил Лянь Пинляна в медпункт. Самого Лянь Пинляна с ним не было. Вместо него рядом с директором стоял незнакомый мужчина с всклокоченными волосами.

— Где Лянь Пинлян? — спросила Линь Чжэньюэ. — У меня на старой фабрике тоже одному

парню руку отрубил. Если срез ровный и помощь оказана вовремя, обычно пришивают. Как он?

— За наших врачей можете не беспокоиться, она в этом деле мастер. Не то что ладонь — руку оторвёт, и то пришьёт, — самодовольно заявил Директор Сун. — Конечно, лечение не бесплатное. Пришить ладонь стоит десять тысяч.

— Десять тысяч? — у всех похолодело внутри. Цены на лечение были просто заоблачными. Это означало, что за эти несколько месяцев изнурительной работы они не должны были заболеть ни разу, иначе всей зарплаты не хватит на лечение.

— Но это же производственная травма! — с трудом сдерживая гнев, воскликнула Линь Чжэньюэ. — По трудовому кодексу фабрика должна нести ответственность!

— Трудовой кодекс? Что это? — лениво поковырял в ухе Директор Сун. — Когда ты говоришь мне о законах, мне становится смешно.

Это было искажённое подземелье. Очевидно, и законы здесь были искажены. Правила фабрики были превыше всего, и им оставалось только подчиняться.

В наступившей тишине, полной сдерживаемого гнева, Се Юньчжу внезапно спросил:

— Когда его вылечат, Лянь Пинлян сможет вернуться?

— Конечно, нет, — ответил Директор Сун. — Он должен фабрике кучу денег. Я отправил его в пятый район.

Услышав про пятый район, все вспомнили то общежитие, откуда постоянно доносился смрад, и еженощные свиноподобные визги. Се Юньчжу тоже нахмурился. Он вспомнил слова Ми Яня: в «Картине девяти фаз» те трупы скорее предпочли бы умереть, чем отправиться в другие районы.

Что же за ад творился там?

Все хотели расспросить про пятый район, но обеденное время подходило к концу. Директор Сун отступил в сторону и вытолкнул вперёд стоявшего за ним мужчину.

— С сегодняшнего дня он будет работать вместо Лянь Пинляна.

От мужчины исходил сильный смрад. Когда он подошёл ближе, все невольно зажали носы. Приглядевшись, они увидели, что его лицо было таким грязным, что невозможно было определить возраст, а волосы, жирные и спутанные, напоминали швабру, которой только что

мыли пол.

Но Се Юньчжу первым делом заметил номер на его тёмно-синей рабочей одежде: 6-3.

Ещё утром это был номер Лянь Пинляна.

— Это Номер 3. Он из пятого района. За выдающиеся успехи его в виде исключения перевели к нам, — представил его Директор Сун. — Теперь он ваш коллега.

Раздались редкие хлопки, но Номер 3 никак на это не отреагировал. Его застывший взгляд даже не шелохнулся. Если бы он время от времени не ковырял в носу и не чесал вшей на голове, его можно было бы принять за выключенного робота.

— Гур-гур-гур... — в этот момент подъехала Сестра Кун с тележкой, полной напитков, и издали закричала: — Напитки! Кофе по десять юаней за банку! Один глоток — и бодрость на весь день!

На воле кофе за десять юаней многие сочли бы дешёвкой, но здесь всё было иначе. Их зарплата за час адского труда составляла всего пятнадцать юаней. Услышав цену, все почувствовали, как сжалось сердце. Кто в здравом уме станет это покупать?

Но, к всеобщему удивлению, Номер 3 вдруг оживился, подбежал к тележке и разом купил десять банок кофе.

— Этот парень знает толк! Кофе отлично бодрит. Неважно, помираешь ты от усталости или сил нет работать, один глоток — и два часа бодрости тебе обеспечены, и после работы никакой усталости! — расхваливала свой товар Сестра Кун. — Подумайте сами, продавать его за десять юаней — это всё равно что дарить!

Все соблазнились. Они помнили, как вчера вечером у них просто не осталось сил на сверхурочную работу. Если выпить этот кофе, то вложение в десять юаней принесёт шестьдесят юаней за переработку — несомненно, очень выгодно.

— Погодите, — нахмурился Се Юньчжу. — А какая цена?

— Вечно ты лезешь со своими вопросами! Я как раз собиралась сказать! — зыркнула на него Сестра Кун. — У этого кофе действительно есть один побочный эффект, но не волнуйтесь, на вашу работу он никак не повлияет. Эффект заключается в том, что если вы получили два часа бодрости, то и ваша жизнь сократится на два часа. Даже если вы выпьете разом двенадцать банок, ваша жизнь укоротится всего на один день...

— Чёрт... — не успела она договорить, как Линь Чжэньюэ тихо выругалась. Она пришла в игру ради вечной жизни, а тут ей предлагают тратить свои драгоценные годы на работу?!

Лицо Сестры Кун тут же окаменело.

— Нечего возмущаться! Давайте я вам посчитаю, и вы всё поймёте! Те два часа, что вы получаете сейчас, — это два часа, полных сил и энергии, два часа, которые вы с пользой потратите на благо фабрики и общества. А когда вы состаритесь, будете лежать на смертном одре, не в силах ни есть, ни радоваться жизни, что для вас будут значить какие-то два часа?

— Вот именно! Как там говорится в старой поговорке? Старый, да не помер — значит, вор! — вставил своё слово Директор Сун. — Человек дожил до шестидесяти, работать не может — пора и на покой. Каждый лишний день жизни — это растрата ресурсов общества.

Эти возмутительные речи, несомненно, шокировали всех. Подземелья часто бывали искажёнными, но обычно они сталкивались с призраками и монстрами. Таких бесчеловечных капиталистов они видели впервые.

Тем не менее, большинство из них всё же купили по несколько банок кофе про запас. В-первых, после вчерашней переработки даже ветераны с улучшенной выносливостью чувствовали себя измотанными. Во-вторых, без кофе они просто не смогли бы конкурировать с теми, у кого он был.

Се Юньчжу холодно наблюдал за происходящим, не собираясь покупать кофе. Единственной, кто разделял его равнодушие, была длинноволосая девушка Ши И. Она, казалось, даже не слушала, сидела в стороне и о чём-то задумалась.

Началась послеобеденная смена. Се Юньчжу, дождавшись, когда робот-надсмотрщик отойдёт, шёпотом начал обсуждать с Ми Янем дальнейшие планы.

Внезапно он почувствовал на себе ледяной взгляд. Резко обернувшись, он увидел, как Номер 3 быстро отвёл глаза и опустил голову, словно и не смотрел на него своими змеиными глазами.

Номер 3, заменивший Лянь Пинляна, работал на нарезке за его спиной — быстро, эффективно, безупречно, как машина. Не говоря уже о вонии невымытого тела, от него самого исходила какая-то неприятная аура.

Произошедшее далее подтвердило его догадки. Когда он снова начал тайком переговариваться с Ми Янем, этот змеиный взгляд вернулся. Затем Номер 3 достал из кармана небольшое устройство, похожее на пульт, и нажал на красную кнопку.

В тихом цеху раздался пронзительный механический звук:

— ДОНОС!

Все роботы-надсмотрщики мгновенно обернулись и ринулись к ним, окружив их плотным

КОЛЬЦОМ.

Номер 3, прячась за их спинами, на этот раз смотрел в открытую. Он указал на рот Се Юньчжу и снова нажал на красную кнопку.

— Донос.

Робот-надсмотрщик просмотрел запись с камер наблюдения и уверенно объявил:

— Номер 6 нарушил правила, разговаривая без разрешения. Штраф — 100.

Се Юньчжу: «...»

Ми Янь: «!!!» — злился, но говорить было нельзя!

В пустых, безжизненных глазах Номера 3 впервые промелькнуло нечто, похожее на торжество. Видя, что его оштрафовали на сто юаней, он радовался больше, чем если бы сам заработал тысячу. Совершив донос, он с удовлетворением опустил голову и продолжил свою работу.

Не гнев или несправедливость, а скорее жуть — вот что почувствовал Се Юньчжу. Он подумал, что фабрика, должно быть, отняла у Номера 3 нечто гораздо большее, чем просто «смех».

<http://bllate.org/book/15884/1590044>